

В. А. Фатеев

О творческом наследии Н. Н. Стрхова в контексте традиции религиозной философии в России

DOI 10.47132/2541-9587_2021_2_91

Аннотация: Статья представляет собой критический обзор литературы и научных мероприятий 2020–2021 гг., посвященных религиозному философу, литературному критику, публицисту и ученому Н. Н. Стрхову (1828–1896). Отмечается, что в 2020–2021 гг. в Белгороде, Москве и Петербурге состоялись три посвященных Стрхову заседания в режиме видеоконференции, засвидетельствовавших рост интереса к личности и творческому наследию этого мыслителя. Не менее важным подтверждением этого интереса явился также выход в свет в течение последних двух лет в Петербурге трех объемистых изданий, имеющих прямое отношение к Н. Н. Стрхову: двухтомника Н. П. Ильина «Моя борьба за русскую философию» (2020), в котором Стрхову посвящено восемь малоизвестных статей разных лет, монографии В. А. Фатеева «Н. Н. Стрхов. Личность. Творчество. Эпоха» (2021), а также антологии «Н. Н. Стрхов: pro et contra» (2021). Центральное место в данной статье занимает анализ посвященной Стрхову книге в популярной серии «Pro et contra», издаваемой Русской христианской гуманитарной академией (Санкт-Петербург). Исследование издания показывает, что при большой подборке разнообразных материалов, включая сочинения самого Стрхова, данная антология не вполне отвечает требованиям жанра этой серии. Серия «Pro et contra» предполагает непредвзятый и уравновешенный подход к выбору отзывов «за и против» с целью всесторонней характеристики таких сложных и недостаточно изученных явлений нашей культуры, одним из которых является Н. Н. Стрхов. Однако, как показано в статье, этот сборник не вполне отвечает таковому требованию серии. Тем не менее, сам выход в свет антологии в популярной серии представляет собой существенный вклад в изучение и популяризацию наследия этого мыслителя, а в контексте всех хронологически близких мероприятий и изданий, указанных выше, подтверждает мнение о том, что наступило время Н. Н. Стрхова.

Ключевые слова: Н. Н. Стрхов, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, антология, pro et contra, религиозная философия, литературная критика, наука, публицистика, воспоминания, религия, дарвинизм.

Об авторе: Валерий Александрович Фатеев

Кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Родник» (Санкт-Петербург).

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Ссылка на статью: Фатеев В. А. О творческом наследии Н. Н. Стрхова в контексте традиции религиозной философии в России // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (10). С. 91–109.

Valery A. Fateyev

**On N. N. Strakhov's creative legacy
in the context of the RELIGIOUS Philosophy tradition
in Russia**

DOI 10.47132/2541-9587_2021_2_91

Abstract: This article is a critical overview of the recent literary and scientific events devoted to the personality and creative work of Nikolay Strakhov (1828–1896), an eminent religious philosopher, literary critic, journalist and scholar. The article informs its readers that the years 2020 and 2021 saw three videoconferences held in Belgorod, the philosopher's native city, in Moscow, and in St. Petersburg. These events witnessed a growing interest in the thinker's personality and creative work. No less important evidence to this assumption is the publication of three large-scale editions dealing with Strakhov's heritage — Nikolay Ilyin's two-volume collection of articles *My Fight for Russian Philosophy* (2020), Valery Fateyev's monograph *Nikolay N. Strakhov: His Personality, His Creative Work, and His Time* (2021), as well as the anthology of the opinions of Russian thinkers and researchers *N. N. Strakhov: pro et contra* (2021). The focus of the present article is an analysis of the anthology published in the popular *pro et contra* series issued by the Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg). As a study of the latter book has revealed, it contains a large number of interesting opinions on Strakhov's creative legacy including informative excerpts from the philosopher's own works. The book as a whole, however, does not adequately meet a demand for this kind of publications. The "Pro et contra" series presumes an unbiased and balanced approach to the choice of "for and against" reviews in order to comprehensively characterize such complex and insufficiently studied phenomena of our culture, one of which is N. N. Strakhov. As the article proves, however, this collection of selected works does not fully meet the demand. Nevertheless, the publication of this anthology in a popular series testifies, in the context of the entire abovementioned events and editions, the fact that the time of Nikolay Strakhov has arrived.

Keywords: Nikolay Strakhov, Fyodor Dostoyevsky, Nikolay Danilevsky, Vladimir Solovyev, Leo Tolstoy, anthology, pro et contra, religious philosophy, literary criticism, science, journalism, memoirs, religion, Darwinism.

About the author: **Valery Alexandrovich Fateyev**

Candidate of Philology, Member of the Editorial Board of the Rodnik Publishers.

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Article link: Fateyev V. On N. N. Strakhov's creative legacy in the context of the RELIGIOUS Philosophy tradition in Russia. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 2 (10), pp. 91–109.

*Когда всё перегорит и всё уляжется — подыметесь
в нашем обществе и литературе это Ваше настроение —
всегда спокойное и чистое, полное любознательности
и религиозности, уважения к человеку, серьезное и доброе.*
В. В. Розанов¹

Творческое имя Н. Н. Страхова (1828–1896) постепенно, но уверенно входит в сознание современного образованного читателя. Когда в 2004 г., уже в новом столетии, промелькнуло известие о выходе в свет очередной статьи историка философии Н. П. Ильина под громким названием «Н. Н. Страхов — русский философ XXI века»², даже тем немногим исследователям, кто успел к тому времени оценить достоинства этого мыслителя, литературного критика, публициста и ученого — современника и соратника Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, — думалось, что такое смелое заявление представляет собой некоторое преувеличение. Тогда эта статья не привлекла к себе большого внимания. Однако дальнейшее развитие событий подтверждает правоту современного историка русской мысли, открывшего заново метафизика-идеалиста Н. Н. Страхова.

Одним из подтверждений такого поступательного движения может служить, например, издание в 2020 году обобщающего определенным этапом творческой деятельности Н. П. Ильина двухтомника его избранных очерков и статей под названием «Моя борьба за русскую философию»³. В это издание, среди прочего, вошли сразу восемь (!) малоизвестных ранних статей автора о Н. Н. Страхове, в том числе и упомянутая выше работа, представлявшая Страхова как философа, идеи которого будут по-настоящему восприняты в XXI столетии.

Теперь эта статья Ильина, написанная на рубеже веков, воспринимается не как преувеличение, а как провозвестник будущих настроений русского культурного сообщества. С присущей ему полемической смелостью Н. П. Ильин опровергает долгое время бытовавшее в литературе мнение, будто сочинения «реакционера» Страхова не только вредны с идейной стороны, но и не оригинальны, так как им не создано никакой философской системы. Ильин доказывает, что этот консервативный мыслитель вполне раскрыл свой творческий потенциал, по крайней мере, в трех направлениях, для его времени практически новых: в философской антропологии (в решении загадки о человеке в свете христианской философии), в философии науки и в философии культуры. Более того, Страхов, по мнению Ильина, является создателем новаторской «открытой *естественной системы*», которая акцентирует внимание не на ответах, а на «правильной постановке вопросов»⁴. Исследователь

¹ Розанов В. В. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 186.

² Ильин Н. П. Н. Н. Страхов — русский философ XXI века // Славянский мир (Ростов-на-Дону). Вып. 1. С. 90–103.

³ Ильин Н. П. Н. Н. Страхов — русский философ XXI века // *Его же. Моя борьба за русскую философию. Избранные очерки и статьи: в 2 т. Т. 1. Русская классическая философия и ее противники.* СПб., 2020. С. 325–333.

⁴ Там же. С. 331, 332.

делает следующий вывод: «Такая система побуждает читателя пойти дальше и понять больше, чем творец системы». Теперь, когда имя Страхова перестает быть пустым звуком для образованного читателя, у этих слов историка русской философии становится гораздо больше шансов привлечь к себе сочувственное внимание. Сам Ильин уже давно в своих сочинениях, в том числе и в основополагающей книге «Трагедия русской философии» (2008), рассматривает Страхова как классика отечественной духовной культуры и одновременно одного из родоначальников русской национальной мысли⁵.

Однако следует отметить, что отклики на сочинения Страхова с самого начала, еще при его жизни, сильно различались. О философе было написано немало положительных прижизненных и посмертных отзывов, в том числе исследования К. Н. Бестужева-Рюмина, В. В. Розанова, Б. В. Никольского, Ю. Н. Говорухи-Отрока и других философов, историков и критиков, преимущественно консервативного направления, а его кончина, что примечательно, была отмечена целым потоком уважительных некрологов практически во всех серьезных изданиях. Однако было никак не меньше отрицательных, насмешливых или пренебрежительных отзывов о Страхове его постоянных идейных противников — радикальных и умеренных оппозиционеров, апологетов материалистических и позитивистских взглядов, а также либеральных западников во главе с Вл. Соловьевым. Страхова уже тогда часто называли «реакционером», «ретроградом» и «обскурантом», отказывали ему в самостоятельности и глубине суждений и относили к мыслителям второго, а то и третьего ряда.

Еще более осложнилось восприятие творческого наследия Страхова после его кончины, в связи с публикацией в 1913 г. ставшего с тех пор печально известным письма философа к Толстому о Достоевском. Нелицеприятная оценка в письме выдающегося писателя вызвала немало критических суждений, и шлейф этих осуждающих мнений тянется до настоящего времени, хотя детальный и объективный анализ причин появления этого письма до недавнего времени не проводился.

В советское время консервативно-идеалистические сочинения Страхова, который считался главным полемистом против нигилистических сочинений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и других оппозиционных критиков, прославленных после 1917 г. под именем «революционных демократов», оказались, по сути дела, под запретом. Только активное сотрудничество Страхова с Достоевским и Толстым спасало его имя от полного забвения. Лишь однажды, в 1974 г., был выпущен сборник литературно-критических статей Страхова, но издание этой книги прошло незамеченным. Достаточно характеризует положение дел тот факт, что до 1990-х гг. единственной книгой о жизни и творчестве Н. Н. Страхова и, при этом, наиболее глубоким и объективным исследованием, посвященным этому несправедливо забытому на родине русскому мыслителю, оставалась небольшая книга американской исследовательницы Линды Герстейн, вышедшая в свет в 1971 г.⁶

⁵ См.: Ильин Н. П. Философия Н. Н. Страхова как парадигма национальной культуры понимания // *Его же. Трагедия русской философии*. М., 2008. С. 439–544.

⁶ Gerstein L. Nikolay Strakhov: Man of Letters, Social Critic. Cambridge, Mass., 1971. 237 p.

Л. Герстайн показала, что трудная литературная судьба Страхова связана прежде всего с тем, что он был консервативным и, в то же время, идейно независимым мыслителем.

В 1990-е гг. отношение к Н. Н. Страхову стало заметно меняться. Именно тогда, прежде всего в созданном Н. П. Ильиным Русском философском обществе имени Н. Н. Страхова и издаваемом обществом журнале «Русское самосознание», началась интенсивная деятельность по изучению и обсуждению творчества этого мыслителя. Чуть позже стали появляться и академические исследования и публикации, посвященные Страхову. К настоящему времени накопилась уже целая библиотечка серьезных, уважительных монографических и коллективных исследований о Страхове с участием Н. П. Ильина, М. И. Щербаковой, Е. А. Антонова, Н. В. Снетовой, П. А. Ольхова, Е. Н. Мотовниковой и других авторов⁷.

К сожалению, некоторые влиятельные современные специалисты по творчеству Ф. М. Достоевского, вопреки известной заповеди о несотворении кумира, взяли курс на непримиримое отношение к единомышленнику и соратнику великого писателя за получившее одиозную известность частное письмо, которое они посчитали «клеветническим». Эти литературоведы либо выставляют Страхова в своих работах исключительно в отрицательном свете, либо практически полностью игнорируют значение его творческого наследия.

Таким образом, в литературе о Страхове с давних пор сложились два основных мнения: что Страхов — это серьезная литературно-философская величина, мыслитель, которого надо рассматривать в контексте не только русской философии второй половины XIX века, но и всей русской культуры, и другое, контрастное с ним: что Н. Н. Страхов — второстепенное явление в истории отечественной мысли и литературы, «реакционный» мыслитель и критик, не заслуживающий положительной оценки, к тому же запятнавший свое имя клеветой из зависти.

Однако нет никакого сомнения, что позитивное отношение к Страхову как к серьезному мыслителю, критику, публицисту и ученому в настоящее время берет верх над предвзятым отрицательным подходом к его творчеству. Поток положительных исследований о Страхове, начало которым в постсоветский период положил Н. П. Ильин, становится всё мощнее и авторитетнее.

Свидетельством этого растущего влияния Страхова на современную русскую культуру является хотя бы то, что в 2020–2021 гг. проведено три посвященных его творчеству семинара в режиме видеоконференции: на родине мыслителя, в Белгородском университете, где функционирует «Библиотека-Музей Н. Н. Страхова» и ведется исследовательская работа по изучению творческого наследия писателя, в Институте мировой литературы в Москве, а также в Санкт-Петербургской духовной академии.

---

⁷ Антонов Е. А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород, 2007; Снетова Н. В. Философия Н. Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии): монография. Пермь, 2010; Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / Сост. С. М. Климова. СПб., 2010; Мотовникова Е. Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н. Н. Страхова (Историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2016.

В марте 2021 г. вышла в свет большая монография автора этих строк, в которой впервые личность и творчество Н. Н. Страхова были рассмотрены с максимальной полнотой — как философа, литературного критика, ученого-естественника и публициста, а также в его взаимоотношениях с видными современниками, включая Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, А. А. Григорьева и К. Н. Леонтьева, Вл. С. Соловьева и Н. Я. Данилевского, а также В. В. Розанова⁸.

Не оставлено без внимания в этой книге и известное покаянное письмо Страхова к Толстому о Достоевском, которое впервые непредвзято и подробно рассмотрено в контексте сложных взаимоотношений писателей и реакции на него современников и последующих поколений исследователей⁹.

Всего лишь через месяц после выхода этой монографии объемом в 40 печатных листов было опубликовано еще одно обширное издание, целиком посвященное творческому наследию Н. Н. Страхова — антология «Н. Н. Страхов: pro et contra». В монографии В. А. Фатеева, кстати, отмечалось по поводу сложной личности мыслителя, вызывающей столь противоречивое к себе отношение, что «Страхов — вполне подходящий кандидат для тома отзывов под рубрикой “Pro et contra”»¹⁰.

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что в наши дни осуществляются давние надежды В. В. Розанова на то, что придет время, когда благородные сочинения Страхова будут извлечены из забвения, а его идеи получат надлежащее истолкование и читательское признание. И можно с уверенностью сказать: сегодня есть все признаки того, что такое время уже наступило. Для полноты картины теперь не хватает только собрания сочинений самого Н. Н. Страхова, о котором уже ведутся конкретные разговоры.

* * *

Выход в свет 850-страничной книги «Н. Н. Страхов: Pro et contra»¹¹ весной 2021 г. — важное событие в цепи научных дискуссий и осуществленных издательских проектов, показывающих рост значения этого пока еще недостаточно популярного философа, литературного критика, публициста и ученого. Перед читателем предстает сборник мнений о Страхове мыслителей и исследователей разных времен. Уже сам жанр этой серии предполагает значительность той творческой личности, которой посвящена книга. Кроме того, главным достоинством изданий этого научно-популярного жанра, завоевавшего признание читателей, считается объективное и беспристрастное раскрытие особенностей личности и творчества писателя, деятельность которого вызывает сложное и противоречивое к себе отношение. Но соответствует ли, по гамбургскому счету, эта книга, вышедшая в известной

---

⁸ Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 652 с.

⁹ Там же. С. 3–6, 360–387.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Н. Н. Страхов: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Климовой. СПб., 2021. 852 с.

серии Русской христианской гуманитарной академии, важнейшему критерию уравнищенности и непредвзятости оценок столь различающихся подходов к творчеству Страхова?

Первое, чисто внешнее впечатление об антологии — вполне благоприятное: том объемом почти в тысячу страниц в популярной интеллектуальной серии представляет собой основательное дополнение к существующей литературе о Страхове. Тут обильно, хотя в основном и фрагментарно, представлены и мемуары, и письма, и очерки, и научные исследования разных периодов, и труды самого мыслителя, а в качестве несомненного знака современного признания героя антологии — заметка заведующей созданной на родине мыслителя в Белгороде Библиотеки-музея Страхова... Казалось бы, нет сомнений, что книга, свидетельствующая о широком и растущем интересе к жизни и творчеству Страхова, послужит приобщению к творчеству мыслителя множества интересующихся философией читателей.

Хорошее впечатление производит и начало антологии, составленное из материалов, относящихся к раннему периоду жизни Страхова. В качестве введения в биографию мыслителя удачно выбрана информативная вступительная статья М. И. Щербаковой, предварявшая журнальную публикацию переписки юного Страхова с о. Иоанном Скивским, его наставником в Костромской духовной академии. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что ни в примечаниях к статье Щербаковой, впервые опубликованной в 2004 г., ни в предшествующей ей в книге статье о Библиотеке-музее Н. Н. Страхова нет ссылки на прекрасно изданный и богато иллюстрированный биографический альбом, выпущенный в 2018 г. Белгородским университетом¹² и более подробно освещающий начальный период жизни писателя. Читатель антологии так и не узнает, что полное издание удивительно яркой переписки Страхова с о. Иоанном Скивским, несколько характерных примеров которой воспроизведено в антологии, он имеет возможность прочесть в белгородском альбоме.

Всё же первый раздел книги под названием «Мемуары, письма, очерки», в который, помимо прочего, вошли воспоминания Страхова о поездке на Афон, об И. С. Аксакове и А. А. Фете, посмертный критико-биографический очерк «Н. Н. Страхов» Б. В. Никольского, а также статьи-воспоминания хорошо знавших мыслителя Н. Я. Грота и Ю. Н. Говорухи-Отрока, представляется достаточно интересным и весьма познавательным для читателя.

Правда, нельзя не подивиться тому, что в антологию не попал небольшой, но поистине бесценный документ — начало мемуаров Страхова «Воспоминания о ходе философской литературы»¹³, в котором он в живой форме рассказывает о своих духовных интересах периода семинарской юности. Поражает и отсутствие в этом разделе и вообще в книге воспоминаний писателя Д. И. Стахеева, давшего несколько живописных бытовых зарисовок своего

---

¹² Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: начало. Альбом-биография к 190-летию со дня рождения. Белгород: Констант, 2018. Сейчас в Белгороде завершается работа над вторым альбомом о жизненном пути Н. Н. Страхова.

¹³ *Страхов Н.* Воспоминания о ходе философской литературы // Исторический вестник. 1897. Май. С. 423–434.

многолетнего соседа по съемной квартире. Между тем, и искрящийся юмором рассказ Стахеева «Станислав первой степени и енотовая шуба», и его богатые деталями «Листочки воспоминаний» о Страхове¹⁴ добавили бы немало положительных штрихов к образу мыслителя.

При анализе корпуса основных работ, вошедших в антологию, создается впечатление, что составитель не вполне в курсе современного состояния научного «страховедения» и отдает предпочтение лежащим на поверхности и, казалось бы, «более надежным» исследованиям авторитетных ученых, сделанным в предыдущие годы, а на самом деле явно устаревшим не только фактическими сведениями, но и своей идеологической позицией.

Некоторое недоумение вызывает, например, включение в этот раздел безнадежно устаревшей по содержанию статьи А. И. Опульского, написанной еще в далеком 1951 г. Это, по существу, не самостоятельная статья, а сугубо информационное предисловие к публикации «неизданных писем Л. Н. Толстого к Страхову», уже давно вошедших в научный оборот. Правда, можно предположить, что составителю хотелось отразить суровую идеологическую обстановку советского времени, и действительно, своеобразные приметы эпохи социалистического реализма отчетливо видны даже в этой краткой статье. В ней утверждается, например, будто разбор романа «Война и мир» дан Страховым «с реакционно-националистической тенденциозностью», что «с годами взгляды Страхова становились все более реакционными», а его «Письма о нигилизме» называются «злым пасквилем на революционеров-семидесятников». Досталось и классику отечественной словесности: «мириться» со взглядами Страхова и даже «принимать» некоторые из них Толстому позволяло «наличие в его взглядах отсталых и реакционных сторон»¹⁵.

Еще более выразительна в этом отношении статья официального идеолога советских времен и, в то же время, одиозного «достоевковеда» В. Я. Кирпотина, которая помещена, правда, в другую, «обличительную» часть книги, посвященную критике Страхова за его письмо 1883 г. к Толстому о Достоевском. Кирпотин старается очернить не только самого Страхова, но мимоходом заклеить и всех прочих «обскурантов» и «реакционеров», включая В. Г. Авсеенко, К. Н. Леонтьева, Б. В. Никольского, В. В. Розанова и даже советского профессора Б. И. Бурсова. Если эта статья также включена в издание с исключительной целью показать сомнительные методы идейно ангажированных советских литературоведов, которые использовались ими для опорочивания «реакционеров», то составителю это удалось. Но ни во вступительной статье к антологии, ни в примечаниях не отмечено, что основная часть этой публикации — доказательство Кирпотиным сходства Страхова и образа Евгения Павловича Радомского из романа «Идиот» — носит вполне фантастический характер. Известно, что Достоевскому очень хотелось получить положительный печатный отклик на роман «Идиот» сдержанного на похвалы

¹⁴ Стахеев Д. И. Станислав первой степени и енотовая шуба (из воспоминаний о Н. Н. Страхове) // Исторический вестник. 1904. № 2. С. 441–479; *Его же*. Н. Н. Страхов. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Январь. С. 81–94.

¹⁵ Н. Н. Страхов: pro et contra... С. 54–55.

критика Страхова. По логике Кирпотина, писатель высмеял в «Идиоте» критика в виде образа Радомского, придав ему при этом «маскирующие, украшающие черты»¹⁶, дабы критик не узнал себя в этом персонаже. Но при таком недоброжелательном и лукавом подходе писатель вряд ли с нетерпением ждал бы от Страхова положительной рецензии на свой роман.

При более пристальном взгляде антология, к сожалению, производит уже не столь благоприятное впечатление, как при беглом внешнем просмотре. Прежде всего, обращает на себя внимание не слишком удачная структура издания. По сути дела, только два раздела книги, «Страхов — Данилевский — Соловьев. Россия или Европа?» и «Достоевский — Страхов — Толстой», посвящены конкретным темам основных полемических сочинений Страхова. Причем даже сами эти разделы расположены почему-то не в хронологическом порядке — споры Страхова с Соловьевым происходили уже после кончины Достоевского.

А другие два больших раздела книги, которые, несмотря на разные названия, посвящены «рецепции» (почему бы не сказать просто: «восприятию»?) философских трудов Страхова, вообще не имеют четких тематических или хронологических границ, и помещенные в них статьи без особого ущерба для читателя могли бы быть перенесены из одной части в другую.

Бросается в глаза избыточное обилие в антологии статей о Толстом, особенно об «эпистолярном диалоге» великого писателя с его другом, мыслителем и критиком, хотя исследования, посвященной взаимоотношениям Толстого и Страхова, в отдельную часть не выделены, что придает структуре сборника впечатление повторяемости и некоторой хаотичности. В результате произвольности расположения поздняя и не характерная для «консервативного» Страхова статья «Толки об Л. Н. Толстом» (1891) оказалась рядом с фрагментами его ранней книги «Мир как целое» (1872) и гораздо выше «Писем о нигилизме» (1881), одного из важнейших консервативных сочинений мыслителя.

Нигилизм был одной из сквозных тем всего творчества Страхова, но в антологии читатель не найдет исследований ученых и философов по этому поводу. В книге вообще много говорится о благостном союзе мыслителя с Толстым, отлученном, как известно, в 1901 г., уже после кончины Страхова, от Церкви. Но не сообщается, например, о том, что из-за статей о нигилизме, написанных Страховым после жестокого убийства террористами императора Александра II, симпатизировавший оппозиции Толстой чуть не разорвал отношения со своим другом, и в их взглядах вскрылись серьезные идейные разногласия. Вообще материалы о консервативной стороне взглядов Страхова представлены в антологии крайне скудно.

Так, не нашлось в книге места для важной статьи Розанова «Идейные споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова», в которой младший друг мыслителя прямо заявлял, что Страхов, очарованный творчеством великого писателя, обманулся в псевдорелигиозности Толстого. Розанов справедливо утверждал, что под личиной философии «непротivления злу насилieм» автор

---

¹⁶ Там же. С. 527.

гениальных романов явно подался в сторону нигилизма: «...Толстой, который начал было с отрицания безрелигиозности общества, — незаметно более и более вовлекался в ту же самую борьбу с положительными идеалами человечества, на защиту которых сам Страхов положил всю свою жизнь»¹⁷.

Ту же тему противопоставления нигилистических взглядов позднего Толстого воззрениям его друга Страхова не раз поднимал и консервативный критик «Московских ведомостей» Ю. Н. Говоруха-Отрок, который очень ценил Страхова и во многом ориентировался на его почвеннические идеи. По собственному признанию консервативного критика «Московских ведомостей», из его статей о Страхове «могла бы составиться довольно объемистая книжка»¹⁸. По количеству положительных отзывов о сочинениях Страхова Говоруха-Отрок уступает разве что В. В. Розанову, вернувшему имя благородного и глубокого мыслителя из литературного небытия. Однако этот крупнейший литературный критик конца XIX века, ориентировавшийся в своих очерках на заветы славянофильства и почвенничества, представлен в антологии не самыми боевыми сочинениями.

* * *

Нет необходимости доказывать, что сильная сторона сборников, издающихся под девизом *pro et contra*, состоит как раз в том, что в спорных ситуациях этот жанр позволяет в равной степени непредвзято дать слово обеим сторонам спора. Однако в данной антологии этот принцип соблюдается не всегда.

В важнейшем разделе книги «Достоевский — Страхов — Толстой», посвященном, по сути дела, упомянутому выше злополучному письму, связавшему воедино этих трех писателей, особенно сказалась либо предвзятость, либо некомпетентность составителя.

Показательно в этом отношении само название одного из «обличительных» документов — фрагмента из книги И. Л. Волгина, напоминающей обвинительный акт прокурора: «Еще одно обвинение против Страхова»¹⁹. В том же следственно-пропагандистском духе, правда, с использованием слов самого Достоевского, названа и статья Л. М. Розенблюм: «...Их надо обличать и обнаруживать неустанно»²⁰.

Из представленных в антологии статей лишь В. А. Туниманов с тщательностью настоящего ученого пытается, пусть и несколько тенденциозно, восстановить «лабиринт сцеплений», решить загадку, приведшую Страхова к написанию письма, хотя и Туниманов всю вину в этом скрыто нараставшем конфликте возлагает на «собственные душевные потемки» Страхова. Но этот историк литературы, по крайней мере, признает, что и дневниковая заметка Достоевского, которая, по мнению многих критиков, дала толчок

¹⁷ Розанов В. В. Идеиные споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова // *Его же*. На фундаменте прошлого. М.; СПб., 2007. С. 163–172.

¹⁸ Н. Н. Страхов: *pro et contra*... С. 158.

¹⁹ Там же. С. 531–534.

²⁰ Там же. С. 489–501.

для написания «кошмарного письма Толстому», далека от объективности: «Это памфлетный портрет, начертанный в резкой обличительной манере раздраженной рукой»²¹.

«Обвинительная часть», или Contra, этого раздела книги представлена восемью «антистраховскими» материалами, в то время как в части «Pro» мы обнаруживаем лишь статьи, никакого отношения к злополучному письму не имеющие. Хотя сами по себе статьи Д. И. Чижевского, А. В. Тоичкиной и А. С. Долинина относятся к лучшим сочинениям антологии и показывают глубокое взаимное проникновение идей Достоевского и Страхова, они никак не соотносятся по своему содержанию с «разоблачающими» Страхова отзывами и документами.

Нельзя не отметить, что даже само осуждаемое на все лады письмо Страхова к Толстому в антологию не попало, хотя явно несправедливая дневниковая заметка Достоевского о Страхове в издание включена и приведена. Такое опущение объяснимо: включение этого документа в книгу требовало определенного мужества. Грустно, что читателю антологии не представляется даже возможность самому ознакомиться с письмом и оценить, например, искренность таких покаянных слов Страхова: «Как мне тяжело, что я не могу отделаться от этих мыслей, что не умею найти точку примирения! Разве я злюсь? Завидую? Желая ему зла? Нисколько, я только готов плакать, что это воспоминание, которое *могло бы быть светлым*, — только давит меня!»²²

Каких-либо свидетельств в оправдание или хотя бы объяснение столь неоднозначного поступка Страхова, кроме «зависти» и желания «поквитаться» за оскорбительную заметку о себе, обнаруженную им в рукописях при написании воспоминаний о Достоевском по просьбе вдовы, в антологии вы не найдете. Можно подумать, что таких объяснений и не было. Однако при тщательном изучении литературы таких свидетельств можно было обнаружить немало.

Разве мог объективный составитель книги пройти мимо мнения, например, Н. И. Снетовой, высказанного на страницах ее монографии о Страхове? Эта книга вышла, правда, в далекой Перми и составителю антологии, возможно, осталась недоступной. Между тем точка зрения этого специалиста, автора большого количества работ о философии Страхова, сильно отличается от преобладающих в научном мире суждений о «клеветническом» письме Страхова к Толстому: «Это письмо многие сочли доносом, что расценивается как безнравственный поступок. Некоторые посчитали Страхова человеком, “способным на все”. Его обвиняли в лицемерии. Но и Достоевскому можно бросить этот упрек. Он не говорил Страхову, с которым в то время тесно общался, тех слов, которые написал в записной тетрадке, а говорил совсем другое. Тем не менее, Страхова хором клеймят позором, а о записи Достоевского умалчивают. Налицо необъективность подхода. <...> Думается, во-первых, что страховская исповедь Л. Толстому отчасти вызвана той оценкой себя, которую он прочел в бумагах писателя. Во-вторых, почему не предположить,

²¹ Там же. С. 554.

²² Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Т. 2. Оттава; М., 2003. С. 653.

что Страховым двигала совесть биографа, который должен дать объективную характеристику личности выдающегося писателя, имя которого войдет в историю духовной культуры. <...> Облик великого человека мы стараемся сделать благолепным, сакрализуем, монументализируем его. В-третьих, думается, несправедливы обвинения Страхова в безнравственности, доносе, лицемерии и т. д. Нет, конечно, людей безгрешных. Но Страхов был, безусловно, нравственным, добрым, соvestливым человеком»²³.

Допустим, содержание вышедшей в далекой Перми книги Снетовой могло остаться составителю антологии неизвестным, как и контрастная по отношению к тенденциозным антистраховским материалам полемическая работа Н. П. Ильина, хотя она была опубликована в 2020 году²⁴.

Однако историк русской мысли, к тому же не раз писавший о Толстом, обязан бы знать давнюю работу известного философа-эмигранта Льва Шестова, в которой он не только стал оправдывать Страхова за его покаянное письмо к Л. Н. Толстому, но и безусловно поверил в искренность критика. Шестов подчеркивает особую ценность подобного рода исторических свидетельств, так как в литературе существует прочно установившийся обычай: показывать читателям только лицевую сторону жизни великих людей. Шестов писал в 1920 году в статье о Толстом: «Не знаю, много ли найдется в литературе документов, по своей ценности равных приведенному письму. Не уверен даже, понимал ли Страхов смысл и значение того, в чем он признавался Толстому. В новое время многие утверждали, что ложь ценнее истины. <...> А Страхов просто и искренне кается, и это придает его словам особую силу и значительность»²⁵.

Реальный образ Достоевского, бесспорно, сложнее того, каким он предстает, в частности, из представленных в антологии материалов. Интересно, что писал один из идеологов «нового религиозного сознания» Д. С. Мережковский в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1900), написанном задолго до публикации злополучного страховского письма к Толстому, т. е. опираясь лишь на «Воспоминания о Ф. М. Достоевском», написанные по просьбе вдовы писателя для полного собрания сочинений, где Страхов воссоздал преимущественно положительные черты писателя, воздерживаясь от отрицательных характеристик. Мережковский с поразительной пронизательностью упрекал Страхова за упрощение личности автора «Бесов» и «Записок из подполья» в своих воспоминаниях. Ему в опубликованных воспоминаниях Страхова словно не хватало тех самых «бездн человеческого сердца»²⁶ в характере Достоевского, на которых Страхов, как выяснилось позже, бегло остановился в «том самом» письме к Толстому.

---

²³ Снетова Н. И. *Философия Н. Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии)*. Пермь, 2010. С. 124.

²⁴ Ильин Н. П. Но истина дороже (по поводу одного из писем Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому) // *Его же. Моя борьба за русскую философию*. Т. 1. СПб., 2020. С. 360–391.

²⁵ Шестов Л. [Шварцман Л. И.]. *Откровения смерти. (Последние произведения Л. Н. Толстого) (Окончание) // Современные записки*. 1920. Кн. I. С. 86–88.

²⁶ Мережковский Д. С. *Л. Толстой и Достоевский*. М., 2000. С. 81.

В антологию включен фрагмент давней статьи «Факты против легенды» из книги В. Н. Захарова, вышедшей в 1978 г., почти полвека назад и показывающей истоки возникновения легенды о «грехе» Достоевского, восходящие к И. С. Тургеневу. Но эта тема могла бы быть значительно осовременена включением, например, фрагмента впервые опубликованных в 2009 году воспоминаний о встрече с писателем Н. М. Минского, вариантом той же «легенды» о самооговоре Достоевского²⁷. Отсутствие этого или других подобных материалов в книге можно объяснить если не нежеланием, то, скорее, недостаточным знанием составителем материала.

* * *

Отсутствие в антологии указанных и других важных материалов, как и недостаточное освещение в книге консервативных аспектов воззрений Страхова объясняется, конечно, прежде всего тем, что этот скромный, но глубокий мыслитель как личность так и остался духовно чуждым составителю книги С. М. Климовой. Она заявляет об этом во вступительной статье: «Сознаюсь, мне долго не удавалось уловить стержень этого человека, несмотря на то, что когда-то я его вроде бы нашла в самой сути переходной эпохи»²⁸.

С. М. Климова является сотрудником «Научно-учебной лаборатории трансцендентальной (!) философии» — загадочного подразделения небезызвестной Высшей школы экономики, либеральные создатели которой стали творцами в современной России общеизвестной своими «достижениями» западной рыночной экономической системы. Неудивительно, что Светлана Михайловна при подборе тем и имен отдает предпочтение знакомым или близким ей по духу либеральным авторам. Позитивистски воспринимая историю мысли как процесс непрерывного прогресса, Климова обнаруживает мало понимания внутреннего мира Страхова. По ее мнению, едва ли не главным объяснением личности Страхова является то, что он только стоял на пороге «нового религиозного сознания». То есть философ-метафизик рассматривается как промежуточная фигура, предтеча пресловутой «религиозной философии», воплощением которой станут позже совершенно чуждые почвеннику Страхову по духу модернисты Д. С. Мережковский и Н. А. Бердяев.

Пытаясь во вступительной статье наглядно представить противоречивость живой личности Страхова, С. М. Климова изображает этого метафизика-созерцателя не только добрым, но и «злым», не только почти «отрешенным монахом», но и «неудержимым говоруном» (вот уж совсем не страховская черта), деятельным и даже предприимчивым «философским информатором», пекущимся об изданиях, но в то же время «саморазоблачительным»²⁹. Однако смешно говорить о «предприимчивости», т. е. деловой хватке такого человека

---

²⁷ Минский Николай. Встреча с Тургеневым (Страница воспоминаний) // НЛЮ. 2005. № 72 (2). С. 19–30; Сапожков С. Штрихи к портрету странного Тургенева; неопубликованный мемуарный очерк Н. М. Минского // Там же. С. 7–19.

²⁸ Климова С. М. «Мир» Н. Н. Страхова или «Чем может быть человек»? // Н. Н. Страхов: pro et contra... С. 12.

²⁹ Там же. С. 14.

как Страхов, ибо проявлялась эта активность разве что в отстаивании истины, христианском желании помогать людям и спасать от забвения память умерших друзей.

Упорное нежелание «всепонимающего философа» Страхова (слова Ап. Григорьева³⁰) открыто говорить о своей религиозности во вступительной статье почему-то бестактно трактуется как «лакуны понимания жизни»³¹. Грустно читать пренебрежительные слова о том, будто книга Страхова «Мир как целое» «легко обходится без Бога, души, другого человека и общества»³². На самом деле «Бог и душа» ушли лишь из концепции составителя антологии, а потому и сам мыслитель в целом оказался ею непонятым. У составителя и автора вступительной статьи антологии Страхов «только стоял на пороге нового религиозного сознания, так и не переступив его»³³, хотя даже статьи, приводимые в антологии, опровергают данное мнение составительницы.

Так, Анджей де Лазари, польский русист, сочувствующий скорее Соловьеву с его филокатолическими симпатиями, чем Страхову, по-своему ближе к истине: он уверен в том, что «почвеннический рационализм» Страхова был тесно связан с религией — по его мнению, почвенничество «не позволило ему отвергнуть националистическое понимание истории России и мира», в том числе и православную веру³⁴. А чуткий Розанов утверждал о Страхове, что «религиозное составляет ни разу не названный центр постоянного тяготения его мысли...»³⁵.

Почему-то не попавший в антологию Н. К. Гаврюшин, автор целого ряда важнейших статей о Страхове как предтече экологической критики сциентистского аспекта философии космизма, писал, что антропоцентризм Страхова, выраженный в книге «Мир как целое», носит *христианский* характер и отражает идеи «целокупной гармонии мира как творения Божия, его эстетического совершенства и рациональной неисчерпаемости...»³⁶.

Да и сам Страхов прямо заявлял в спорах с Данилевским по поводу той же книги «Мир как целое», что нужно веровать не в «жителей планет» или «маленькие атомы», чем грешил его друг, а «нужно верить в Бога и Его ангелов...»³⁷. Создается впечатление, что с этой перепиской составитель антологии незнакома: иначе С. М. Климова, вопреки известным заявлениям мыслителя в письмах к Данилевскому, не писала бы, будто «приверженцем гегелевского / немецкого пантеизма Страхов оставался до конца жизни»³⁸.

Если даже предположить вместе с автором вступительной статьи, что «нет души» в книге «Мир как целое», то почему же она не ведет

³⁰ Аполлон Григорьев. Письма. М., 1999. С. 261.

³¹ Климова С. М. «Мир» Н. Н. Страхова... С. 17.

³² Там же. С. 16.

³³ Там же. С. 17.

³⁴ Н. Н. Страхов: pro et contra... С. 678.

³⁵ Там же. С. 261.

³⁶ Гаврюшин Н. К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. М., 1996. С. 107. См. также о Страхове в кн.: Гаврюшин Н. К. У колыбели смыслов. Статьи разных лет. М., 2019.

³⁷ Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901. Янв. С. 128.

³⁸ Н. Н. Страхов: pro et contra... С. 700.

речь о более поздних книгах «О вечных истинах» или «Об основных понятиях психологии и физиологии», где Страхов не только более открыто высказывается о религии, но и прямо рассуждает о существовании души? Даже столь ценимый составителем мыслитель, как Л. Н. Толстой, в письме к Страхову отозвался о последней его книге предельно уважительно: «Вы действительно только устанавливаете основания психологии, но вы первый доказываете — и без полемики, без спора ложность идеализма Канта и Шопенгауэра и ложность матерьялизма. Мало этого, *вы доказываете душу* (курсив мой. — В. Ф.), как будто нечаянно, что есть самый сильный и убедительный прием доказательств»³⁹.

Нельзя не понимать, что неутомимая борьба Страхова с дарвинизмом, о которой в антологии сказано явно недостаточно, носила не только характер научного спора. Причину успеха новомодного и быстро овладевшего умами эволюционного учения Дарвина Страхов видел прежде всего в попытке объяснить мир без Бога, а в вытекающем из этого учения социал-дарвинизме он опознал даже один из признаков духовного вырождения современной ему Европы, назвав ее «дряхлающей цивилизацией».

* * *

Страхова еще при жизни часто обвиняли в консерватизме и даже в реакционности. Но консервативный спектр мнений о философе в книге представлен явно недостаточно.

Нет в книге даже ядовитых, но очень выразительных и метких суждений К. Н. Леонтьева о Страхове, разбросанных по его многочисленным статьям и особенно письмам. Приводятся лишь фрагменты его большой статьи о Соловьеве, которому Леонтьев, как известно, в отличие от Страхова, очень симпатизировал. Он считал, что «проповедь г. Соловьева скорее полезна, чем вредна», хотя и признавал, «что г. Страхов гораздо правее его в своей оценке замечательных трудов Данилевского»⁴⁰.

Тема «борьбы с Западом» является, как известно, одной из главных в творческом наследии Страхова. Он посвятил ей целых три книги своей философской публицистики. В антологии этой теме уделено заслуженно большое внимание, прежде всего в связи с принципиальным спором Страхова с В. С. Соловьевым. Но в разделе, посвященном этой многолетней полемике, сразу возникает недоумение: вместо излагающих или комментирующих позицию Страхова статей более сорока драгоценных страниц зачем-то отводится главе из неоднократно переиздававшейся книги Данилевского «Россия и Европа», ставшей уже классикой отечественной социально-философской мысли. Сама по себе эта глава под созвучным Страхову названием «Почему Европа враждебна России?», конечно, очень содержательна. Но отведенного под главу из книги Данилевского места с избытком хватило бы для лучшей, может быть, статьи Страхова об авторе классического историософского труда — его предисловия «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского» к 3-му изданию книги

³⁹ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки... С. 446.

⁴⁰ Там же. С. 402, 404.

«Россия и Европа», в котором он чрезвычайно ярко изложил биографию и мирозерцание своего друга.

При очевидном недостатке освещения консервативных сторон мировоззрения Страхова обращает на себя внимание явный перекокс в книге в сторону толстовской тематики, причем предпочтение отдается в основном не представляющим большого интереса работам иностранных литературоведов и отечественным либеральным авторам. Достаточно сказать, что сразу несколько близких по содержанию статей посвящено «эпистолярной диалогике», преимущественно переписке Толстого со Страховым.

Из исследований иностранных авторов в лучшую сторону своей компетентностью выделяется, пожалуй, обзор страховских тем в фрагментах из книги польского историка русской мысли и литературы Анджея де Лазари «В круге Федора Достоевского. Почвенничество». Хотя этот польский русист явно не разделяет консервативных взглядов Страхова и причисляет его, в соответствии с антирусской традицией польской русистики, заложенной учителем де Лазари Анджеем Валицким, к националистам, основательное знание фактического материала позволяет ему дать содержательный обзор еще недостаточно изученного феномена «почвенничества».

Здесь следует также отметить, что за пределами антологии остались некоторые важные концептуальные исследования зарубежных специалистов. Одна из таких важнейших работ — уже упоминавшаяся первая монография о Стракове, опубликованная американкой Л. Герстайн в 1971 г. Нет сомнений, что перевод хотя бы одной главы этой содержательной и вполне объективной книги украсил бы издание совершенно неизвестным отечественному читателю материалом. До сих пор не потеряла своего научного значения и статья Р. Е. Макмастера⁴¹, текстологически подтверждающая факт сознательной фальсификации Вл. Соловьевым текста ради победы в идейном споре со Страховым.

Обращает на себя внимание также то, что в антологии почвеннически-славянофильские консервативные взгляды Страхова отражены крайне слабо. Сосредоточив свое внимание на философских оценках творчества Страхова, составитель недостаточно представил Страхова как литературного критика, хотя мыслитель разделял мнение Ап. Григорьева, что критика должна быть философской. Кстати, имя Аполлона Григорьева, учителя и ближайшего единомышленника Страхова, упоминается в антологии лишь мимоходом. Даже получивший всеобщее признание цикл статей Страхова о «Войне и мире», который сам автор считал лучшим своим критическим творением, не вызвал интереса составителя сборника.

Страхов был выдающимся методологом и философом науки, но научная тема также представлена в книге недостаточно. Если достоинства книги «Россия и Европа» подчеркнуты в статье Леонтьева, то о другой, не менее важной, но недостаточно известной книге «Дарвинизм», которая еще ближе связала Данилевского и Страхова, говорится гораздо меньше. Этому труду

---

⁴¹ *McMaster R. E. The Question of Heinrich Ruckert's Influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. 1955. Feb. P. 59–66.*

посвящена в антологии лишь статья «Спор из-за книг Данилевского», но эволюционное учение опровергается в ней только с биологической точки зрения, как гипотеза, в основу которой положен фактор случайности. Между тем гораздо важнее было бы подчеркнуть, что в полемике о дарвинизме Страхов, как и Данилевский, проявил себя неутомимым борцом против материализма. Вся сила дарвинизма, как убедительно показывали его противники Данилевский и Страхов, состояла в том, что идеи эволюции пришлись по вкусу обществу, которое получило в учении Дарвина возможность объяснить мир без Бога. Очень кстати пришелся бы здесь хотя бы небольшой фрагмент из книги биолога Л. С. Берга, с эпиграфами из статей Страхова, уже в советское время поддержавшего учение Данилевского — Страхова. Можно было бы даже привести, например, хотя бы отрывок из воинствующей статьи дарвиниста К. А. Тимирязева, которая своим вульгарным безапелляционным тоном дает представление об уровне идейной борьбы в естественных науках и неравноправном положении участников полемики.

Список недостатков и тематических упущений антологии, составленной С. М. Климовой, мог бы, к сожалению, быть продолжен до бесконечности. Увы, эта книга не стала полноценным открытием, широко распахнутым «окном» в загадочный, противоречивый и влекущий мир разносторонне одаренного мыслителя Н. Н. Страхова. Автор-составитель не вполне справилась с замыслом серии — объективно и всесторонне показать сложную, противоречивую личность мыслителя, дать объяснение, почему она вызывает растущее к себе внимание. Для этого ей не хватило не только и не столько знания творчества этого мыслителя и питавшей его духовной среды славянофильства, почвенничества, консерватизма, сколько прежде всего — внутреннего сродства с героем книги по образу мыслей, идейному направлению. Приходится констатировать, что на роль составителя такого сборника больше подошли бы равнодушные к Н. Н. Страхову авторы указанных выше современных книг о нем или, например, руководитель деятельности Белгородского университета по возрождению памяти земляка доктор философских наук П. Н. Ольхов, работы которого по неведомым причинам в антологию вообще не попали.

И все-таки выход в свет антологии, посвященной оценкам мыслителей и исследователей личности и творчества Н. Н. Страхова, несмотря на все претензии к изданию, является еще одним важным шагом на пути освоения творческого наследия этого недооцененного до сих пор мыслителя. При всей тенденциозности и недостаточной глубине подхода к подбору материалов, издание антологии, в которой представлен широкий диапазон ценных и разнообразных сочинений мыслителей и исследователей, является существенным вкладом в историю отечественной культуры.

Выход в свет книги «Н. Н. Страхов: pro et contra» еще раз показывает, наряду с другими упомянутыми выше недавними событиями в культурной жизни России, что в XXI веке пришло время Страхова...

Источники и литература

1. Антонов Е. А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород, 2007. 168 с.
2. Аполлон Григорьев. Письма / Отв. ред. И. Г. Птушкина. М.: Наука, 1999. 473 с.
3. Гаврюшин Н. К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 96–107.
4. Гаврюшин Н. К. У колыбели смыслов. Статьи разных лет. М.: Модест Колеров, 2019. 816 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 22).
5. Ильин Н. П. Моя борьба за русскую философию: в 2 т. Т. 1–2. Избранные очерки и статьи. Т. 1. Русская классическая философия и ее противники. СПб.: Алетейя, 2020. 718 с. Т. 2. Становление национал-персонализма как философской основы русской идеологии. СПб.: Алетейя, 2020. 462 с.
6. Ильин Н. П. Н. Н. Страхов — русский философ XXI века // Славянский мир (Ростов-на-Дону). Вып. 1. С. 90–103.
7. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 608 с.
8. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. / Ред. А. А. Донсков; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Т. 2. Группа славянских исследований при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого. М., 2003. 1080 с.
9. Мотовникова Е. Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н. Н. Страхова (Историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2016.
10. Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / Ред.-сост. С. М. Климова. СПб.: Алетейя, 2010. 207 с.
11. Н. Н. Страхов: pro et contra. Личность и творчество Н. Н. Страхова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. статья, коммент. С. М. Климовой. СПб.: РХГА, 2021. 852 с.
12. Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: начало. Альбом-биография к 190-летию со дня рождения. Белгород: Констант, 2018.
13. Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901. Янв. С. 127–142. Февр. С. 453–469; Март. С. 125–141.
14. Родня по духу. Переписка Д. Н. Толстого и Н. Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 1. 1870–1879 / Изд. подгот. Л. В. Калужная, Т. Г. Никифорова, В. А. Фатеев, В. Ю. Шведов; вступ. ст. В. А. Фатеева, В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 819 с.
15. Розанов В. В. Идеиные споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова // *Его же*. На фундаменте прошлого. М.; СПб., 2007. С. 163–172.
16. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
17. Снетова Н. В. Философия Н. Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии): монография. Пермь, 2010. 352 с.
18. Стахеев Д. И. Н. Н. Страхов. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Янв. С. 81–94.
19. Стахеев Д. И. Станислав первой степени и енотовая шуба (из воспоминаний о Н. Н. Страхове) // Исторический вестник. 1904. Февр. С. 441–479.
20. Страхов Н. Н. Воспоминания о ходе философской литературы // Исторический вестник. 1897. Май. С. 423–434.

21. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты и наук о природе / Предисл. и коммент. Н. П. Ильина. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
22. *Фатеев В. А. Н. Н.* Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 652 с.
23. *Фатеев В. А.* Лев Толстой и революция: «Религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Верующий разум. 2020. № 9. С. 92–107.
24. *Gerstein L. Nikolay Strakhov: Man of Letters, Social Critic, Cambridge, Mass., 1971. 237 p.*
25. *McMaster R. E.* The Question of Heinrich Ruckert's Influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. 1955. Feb. P. 59–66.